

УДК 930

DOI: 10.17223/19988613/58/16

А.А. Непомнящий

**«МНОГИЕ ТЕПЕРЬ ПРЯЧУТСЯ...»:
Б. Д. ГРЕКОВ И КРЫМОВЕДЕНИЕ 30-х гг. XX в.**

Опираясь на данные официальной переписки Историко-археографической комиссии при АН СССР и личной переписки крупного деятеля научного крымоведения Арсения Ивановича Маркевича рассмотрены научные связи Б.Д. Грекова с крымоведами в противоречивый период советской истории – 30-е гг. XX в. Показано неоднозначное отношение в это время Б.Д. Грекова к коллегам, с которыми он работал в предыдущие периоды своей жизни, – А.И. Маркевичу и Н.Д. Полонской-Василенко. Выявление и изучение содержательного эпистолярного наследия исследователей Крыма позволило восстановить информацию о проектах по изданию документов, связанных с историей Крыма средневекового периода и Нового времени, которые не были осуществлены по ряду субъективных причин, основной из которых стали массовые репрессии деятелей науки и культуры Крыма.

Ключевые слова: Б.Д. Греков; крымоведение; А.И. Маркевич; Н.Д. Полонская-Василенко.

Закрытые ранее крымские страницы биографии крупнейшего советского историка Бориса Дмитриевича Грекова (1882–1953) только в последнее десятилетие приобрели известность [1. С. 209–118]. В 1917 г. Б.Д. Греков был командирован Санкт-Петербургским университетом в недавно открытый Пермский филиал, где должен был работать в должности ординарного профессора. Начавшаяся Гражданская война вытолкнула бежавшего от красных Грекова на юг страны. Он оказался в Крыму, где после кратковременного установления советской власти вернулись старые порядки. В августе 1918 г. он был избран ординарным профессором по кафедре русской истории Таврического филиала Университета Св. Владимира, который был открыт в Ялте и Симферополе, а уже в октябре преобразован в самостоятельный университет. Ученый принимал активное участие в работе Таврической ученой архивной комиссии, где неоднократно выступал с докладами, стал одним из организаторов местного архива. Его активное участие в крымском краеведческом движении и университетской жизни отразилось на страницах региональных периодических и научных изданий [2. С. 32, 82–83, 89, 92, 133–135, 137]. Естественными в таких обстоятельствах были его частые контакты с представителями местных «белых» администраций, которые одна за одной сменяли друг друга на полуострове.

Поспешно уехавший из Крыма после окончательного установления советской власти и разразившегося тут голода Греков не мог полностью обрезать установившиеся контакты со многими местными деятелями. Он понимал, насколько опасно упоминание им в любых анкетах и справках, которые в это и последующее время массово заполнялись, о его «крымской эпопее». Между тем научные и личные контакты Б.Д. Грекова с Крымом продолжались.

В 1930 г. в Историко-археографической комиссии при АН СССР, которая работала в Ленинграде, разрабатывался план издания ряда письменных памятников, связанных с историей Крыма. Такое направление исследований Комиссии было неслучайным, так как во

многом оно направлялось работавшим там Борисом Дмитриевичем Грековым. В это время окончательно оформляется главное направление научных интересов ученого: история Древнерусского государства, история русского крестьянства. Б.Д. Греков в это время был хорошо известен в научных кругах как сложившийся ученый с разнообразными исследовательскими интересами. Он оставался среди сотрудников Историко-археографической комиссии едва ли не единственным человеком, обеспечившим профессиональный подход к делу и олицетворявшим преемственность в работе учреждения, которому был без малого век. В условиях «повального обыска» и кадрового разгрома члены Историко-археографической комиссии продолжали кропотливую повседневную работу по выявлению, изучению и публикации исторических источников.

Ученый хорошо знал содержание симферопольского архива. Именно он совместно с председателем Таврической ученой архивной комиссии Арсением Ивановичем Маркевичем и еще несколькими подвижниками стоял у истоков официального оформления крымского архива. Архивариус Б.Д. Греков занимался в грозные годы политической нестабильности в стране формированием фондов местного хранилища документов и составлением первых описей. Ему была известна бедность местных документальных коллекций, одной из причин которой стала практика передачи наиболее ценных бумаг в досоветское время в Публичную библиотеку и Библиотеку Академии наук. Понимая информативное значение этих исторических источников, исследователь предпринял шаги к их публикации.

От имени Историко-археографической комиссии АН СССР Б.Д. Греков обратился в КрымЦИК с просьбой профинансировать публикацию источников по истории народов Крыма. 14 января 1930 г. Борис Дмитриевич специальным письмом ознакомил местных чиновников с планами Комиссии: «Археографическая комиссия Академии наук СССР в целях содействия изучению истории народов, входящих в состав Союза, предпринимает ряд изданий материалов, относящихся к истории отдельных частей СССР.

История Крыма входит... в число предметов, поставленных на первую очередь в работе Комиссии, которая предполагает посвятить два тома своей Русской исторической библиотеке специально изданию крымских дел, часть коих, причем не наиболее интересная, напечатана была в Сборниках Русского исторического общества (тт. 9–12, 14, 15, 39, 50), частично в Записках Одесского общества истории и древностей и др.

Основная масса документов, чрезвычайной важности остается еще не изданной. Здесь можно назвать: 1. Крымские посольские книги с 1523 по 1695 г.; 2. «Крымские дела» (столбцы) с 1579 по 1701 г.; 3. Посольские Ногайские книги и столбцы... 4. «Дела Турецкие и книги». Последние две категории материалов имеют очень большое отношение к истории Крыма, несмотря на то что как будто к нему прямо не относятся; 5. Записные посольские книги Литовской метрики по отношениям Литвы с Крымом в XVI веке» [3. Л. 1].

Предложение Б. Д. Грекова встретило поддержку в Совнаркоме Крымской АССР. Управляющий делами Совета Народных Комиссаров сообщил в Ленинград, что крымское правительство согласно отпустить для этих целей две тысячи рублей ежегодно [Там же. Л. 2]. Вскоре был подписан договор между Историко-археологической комиссией АН СССР (подписал директор Семен Григорьевич Томсинский) и Наркоматом по просвещению Крымской АССР (подписал нарком Али Асанович Асанов) на три года на оплату работ ленинградских археологов (общая сумма – 6 тыс. руб.) [Там же. Л. 6].

Казалось бы, и желание издать важные документы по истории Крыма, и специалисты, которые могут это достойно сделать, есть. Как видим, нашлись и средства. Однако именно в это время в СССР начался широкомасштабный поход против ведущих историков Академии наук. Разгромная вакханалия в Археологической комиссии продолжалась весь 1930 год. 8 сентября был арестован и Борис Дмитриевич Греков. Непосредственным поводом как раз и стали обвинения в сотрудничестве с «белыми» режимами во время его «крымской эпопеи». Как оказалось, о его пребывании в Крыму и контактах тут было хорошо известно и коллегам, и соответствующим органам. Один месяц и шесть дней пребывания в заключении в тюрьме на Шпалерной сказались на желании ученого в дальнейшем свести до минимума свои контакты с крымскими краеведами [4. С. 70–72, 82, 84]. В этих обстоятельствах столь серьезный «кадровый» удар, а также дальнейшая реорганизация Комиссии в Историко-археологический институт АН СССР сначала отодвинули уже подписанные проекты издания интереснейших ориенталистических источников по истории средневекового Крыма, а позднее вообще свели на нет реализацию данного проекта.

О постоянных контактах Б.Д. Грекова с крупнейшим крымоведом А.И. Маркевичем (1855–1942) свидетельствуют письма 1930-х гг. Арсения Ивановича к коллегам. Непосредственно переписки двух ученых не сохранилось. Из эпистолярного наследия А.И. Маркевича данного периода наиболее репрезентативными, по нашему мнению, являются его письма к известному

украинскому историку Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко (1884–1973). Эти материалы позволяют ощутить интеллектуальную напряженность эпохи, значительно дополняя официальную переписку научных и государственных учреждений о крымоведческих проектах эпохи. Греков фигурирует в нескольких письмах среди разных новостей и упоминаниях общих знакомых. Однако данные ему историками красноречивые характеристики ярко демонстрируют как линию поведения Бориса Дмитриевича по отношению к коллегам из провинции, так и их реакцию на его действия.

В 30-е гг. XX в. Н.Д. Полонская-Василенко продолжала разрабатывать сюжеты, связанные с изучением и публикацией источников по истории Новороссии и Крыма, значительная часть которых была выявлена ею во время разысканий в симферопольских и феодосийских архивах в 1916 г. [5. С. 29–48]. Она предпринимала попытки опубликовать ордера Г.А. Потемкина и П.А. Зубова, касающиеся управления Новороссией и Крымом. В этой связи продолжалось ее научное сотрудничество с Арсением Ивановичем, завязавшееся еще в досоветское время, когда исследовательница штудировала под руководством знатока крымских архивов бумаги в Симферополе. 13 февраля 1934 г. А.И. Маркевич писал Наталии Дмитриевне из Ленинграда, где гостил у дочери: «Свои материалы по ордерам Потемкина и Зубова, т.е. гл[авным] обр[азом] копии Ваших, я, как писал Вам, еще два года назад переслал сюда в Историко-археологический институт Академии наук (б[ывшая] Археологическая Комиссия) на имя профессора Ленингр[адского] Унив[ерситета] Бориса Дмитриевича Грекова, состоящего в этом Институте Ученым Секретарем» [6. Л. 6]. При этом А.И. Маркевич советовал Н.Д. Полонской-Василенко лично обратиться к Борису Дмитриевичу и справиться о судьбе переданных ему крымоведческих материалов: «А я предупрежу Б.Д. Грекова при первом свидании с ним. Он бывает у меня и моих, мы с ним в очень хороших отношениях» [Там же. Л. 6 об.].

Очевидно, Наталия Дмитриевна, как и советовал ей А.И. Маркевич, обратилась в Б.Д. Грекову с просьбой помочь опубликовать ее материалы в одном из ленинградских археологических сборников. Однако, зная об увольнении Н.Д. Полонской из Всеукраинской академии наук, негативное отношении к ней советских властных структур, Б.Д. Греков дипломатично затягивал с положительным ответом, ссылаясь на ряд объективных причин.

Н.Д. Полонская-Василенко, не зная, конечно, о нюансах ареста Б.Д. Грекова, эмоционально изложила свои комментарии «дипломатичного» поведения Бориса Дмитриевича в письме к А.И. Маркевичу. 16 апреля 1934 года Арсений Иванович отвечал ей: «Относительно Б.Д. Гр[екова] Вы совершенно правы. Таково же и по той же причине его отношение ко мне, несмотря на наши очень близкие и давнишние связи. Многие теперь прячутся, если не хотят или не могут притворяться. Или таково наше время! Я только жалею, что Вы не отослали ему своих копий ордеров. Но это Ваше дело» [Там же. Л. 12 об.]. Тема Б.Д. Грекова

была продолжена и в послании от 26 апреля 1934 г. А.И. Маркевич писал из Ленинграда:

«Дорогая Наталия Дмитриевна.

С радостью получил я позавчера Ваше письмо от 19-го, а читал и перечитывал его с большим волнением. Прежде всего благодарю Вас за дружеское ознакомление меня с попыткой Вашей связаться с здешним (ленинградским. – А.Н.) Инст[орико]-арх[ивным] Инст[итут]ом и в частности с отношением к ней Б.Д. Гр[екова]. Вы оценили его вполне правильно. Этот человек “сдав-шийся” (его выражение), два раза вошедший в новую роль и ставший ученым чиновником, притом трусли-вый, – старается снять с себя всякую инициативу и быть всегда в тени, – хотя в существе своей природы человек неплохой. В Вашем деле он прав только в том, что директор Инст[итута] Томсинский был действительно болен. Ко мне Гр[еков] отнесся так же, как и к Вам, несмотря на наши приятельские отношения, и был у меня только один раз, затем все собирается прийти, при крайней перегруженности работой... Крайне удручен я Вашим сообщением о Киеве. Ужас, ужас, ужас!.. Какая тьма упала на бедную нашу родину, и просвета не видно. То же и в Москве. Вчера я слышал, что предложено “перенести на другое место” Храм Василия Блаженного (!!). То есть проще – разорвать его, разрушить – и только» [б. л. 14–15].

Между тем Б.Д. Греков именно в это время действительно ничем не мог помочь Н.Д. Полонской-Василенко. Киевский историк не знала, что он передал коллегам и руководству Института все бумаги, присланные Наталией Дмитриевной. Вот строки из его письма от 8 апреля 1934 г. известному медиевисту Дмитрию Моисеевичу Петрушевскому (1863–1942), работавшему тогда научным сотрудником Института истории АН СССР: «...Что касается Полонской-Василенко, то она предлагает ряд работ своих для печатания у нас, конечно, на русском языке (ей придется переводить). С.Г. Томсинский в принципе не возражает против возможности печатания ее работ у нас, но просит их прислать для ознакомления. Я ей не писал ничего, п[отому] что С.Г. Томсинский был болен, а без моего мнения не имеет для нее никакого практического значения» [4. С. 227]. Уже 22 мая 1934 г. Б.Д. Греков сообщал тому же адресату: «...Полонской я ответил, чтобы она присылала свои работы» [Там же. С. 228]. Н.Д. Полонская-Василенко отказалась в итоге от идеи публикации данных материалов в Ленинграде. Рукописи подготовленных ею к печати документов сохранились в ее личном фонде в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского.

Осторожность Б.Д. Грекова не была каким-то исключением из сложившихся в то время в академической науке правил игры. Аналогичная обстановка царилла во всей стране. В 1933–1934 гг. ОГПУ было сфабриковано так называемое «Дело славистов», по которому «под нож» пошли как известные ученые, так и скромные музейные работники, краеведы, врачи, агрономы, обвиненные в участии в Российской национальной партии. Целью этой репрессивной кампании было не столько уничтожить людей, сколько запугать, унижить ту часть общества, которая была воспитана в

иной системе ценностей по сравнению с господствовавшей. Среди крымоведов по этому делу проходили Н.К. Гудзий, Н.С. Державин, Б.А. Куфтин [7]. Царившую в обществе атмосферу хорошо характеризует письмо А.И. Маркевича Н.Д. Полонской-Василенко, отправленное после отстранения ее от работы во Всеукраинской академии наук из Ленинграда 26 марта 1934 г., где вновь не обошлось без упоминания Б.Д. Грекова. Приведем его содержание полностью:

«Дорогая Наталия Дмитриевна.

Меня глубоко тронуло Ваше письмо от 20-го числа с теплыми, ласковыми словами по моему адресу, но и сильно взволновало Ваше сообщение о том тяжелом, незаслуженно обидном положении, в котором Вы очутились после 23-летней прекрасной научной работы, заслуживающей всяческой похвалы и признательности. Тверда надежда, что это положение только временное, и прошу Вас от всей души сохранить спокойствие духа и твердо, с достоинством преодолевать постигшие Вас, как и очень многих других, невзгоды. Я их испытал на себе (на своей шкуре), испытываю и теперь и вижу конфуз тех, кто причинил мне их, но вследствие моей старости и дряхлости я уже не могу продолжать своей работы. Вы же, Наталия Дмитриевна, полны сил и душевных, и физических, и я прошу Вас не оставлять, не бросать начатых работ, не опускать руки перед дальнейшим и задуманным. Думаю, что так смотрит и глубокоуважаемый Николай Прокопьевич (Василенко. – А.Н.). Получать из Академической библиотеки необходимые Вам книги и материалы на его имя не так затруднительно, а пользоваться ими дома даже удобнее. Платные занятия Вы, несомненно, получите, и вопрос о пенсии, надо думать, разрешится благоприятно. Мы живем в переходное время, охватившее полмира, и надо покоряться его требованиям. Много теперь страдающих и здесь (в Ленинграде. – А.Н.), и в Симферополе: испытывают невзгоды Лукьяненко, Деревницкий, Эрнст и мн[огие] др[угие]. И прежде всего, пользуйтесь наступающим теплом, солнцем, отдыхайте хорошенько и не волнуйтесь. Меня и Анну Николаевну не забывайте и пишите нам о своих переживаниях. Знайте же, как дороги нам Ваши душевные письма, наше заочное общение с Вами.

Мы пробудем здесь, по всей вероятности, до 20-х чисел апреля и на лето вернемся в Симферополь. А что будет дальше, не знаем. Здоровье Анны Николаевны очень тревожит нас, особенно, конечно, меня. Быть может, на следующую зиму снова вернемся сюда, где ей покойнее, и чего желают Катя и зять, а может быть, останемся дома, если сил на поездку не хватит. Я чувствую себя в силах прожить еще год, а относительно Анны Николаевны нельзя быть уверенным в этом, так как ее сердце внушает самые тревожные опасения...

Грекова я видел всего раз, а затем он отделяется одними обещаниями приехать ко мне. Правда, он очень занят, но думаю, и затрудняется невозможностью помочь мне в печатании кое-каких моих работишек, хотя я махнул на них рукой и головой. Мне дороги теперь только беседы, общение с людьми, которых я уважаю, люблю. Ваши материалы и работы он, несомненно, получил, и, может быть, Вы получили

уже его уведомление об этом, если он успел рассмотреть их. Вероятно, его затрудняют обстоятельства переживаемого времени, необходимость неуклонно подчиняться его крайне стеснительным требованиям. Тут ничего не поделаешь. Я забываюсь за пасьянсами да за чтением. Читая новые книги, не забываю и старых – прочитал от доски [до] доски еще раз “Дневник писателя” Достоевского, а сейчас читаю “Тараса Бульбу” Гоголя, имея в перспективе и другие его творения. Ну довольно, простите великодушно мое писание. Хотел бы сообщить Вам несколько новых анекдотов и фактов жизненных – до другого раза. Примите мои и всех нас приветствия и пожелания всего лучшего Вам, Николаю Прокопьевичу, которому я низко кланяюсь.

Сердечно преданный А. Маркевич»
[6. Л. 27–28 об.].

В связи с тем, что в эпистолярном общении Арсения Ивановича с Натальей Дмитриевной Полонской-Василенко в эти годы постоянно присутствуют упоминания Бориса Дмитриевича Грекова, эти документы приобретают особенный интерес для историков науки и историографии данного периода. Тем более что в вышедшей в 1999 г. в Москве монографии Н.А. Горской «Борис Дмитриевич Греков» вообще отсутствует информация о научных и дружеских контактах Б.Д. Грекова как с А.И. Маркевичем, так и с другими крымоведами. В письмах прослеживается волнообразное отношение А.И. Маркевича к Б. Д. Грекову, что было связано с обидами за невнимание к нему, и почти везде негативное – у Н.Д. Полонской-Василенко. Так, 25 декабря 1934 г. уже из Ленинграда А.И. Маркевич писал в Киев: «А Греков и мне не пишет и, хотя обещал Ник[олаю] Серг[еевичу] [Кошлякову (мужу дочери А.И. Маркевича. – А.Н.)] прийти ко мне, но я не льщу себе этой надеждой, а только выцарапаю у него одну нужную мне книгу для прочтения. Он совсем “сдался”, как когда-то писал мне, за то получит чечевичную похлебку» [Там же. Л. 36 об.].

В достаточно хорошо сохранившейся переписке А.И. Маркевича с Н.Д. Полонской-Василенко Борис

Дмитриевич Греков в последний раз упоминается 14 июля 1935 г. Маркевич тогда писал: «Живу прошлым, “перевариваю воспоминания”, как сказал Пушкин в одном из своих писем. Здесь (в Симферополе. – А.Н.) началась кое-какая краеведческая суета, но я, как “чуждый элемент”, стою совершенно в стороне от этого quasi “большого света”. К этому положению я уже привык и переношу его со стоическим равнодушием, предвидя только, что из этой суеты “все равно ничего не выйдет”, как говорил близкий мне однофамилец, Алексей Ив[анович] Маркевич. Впрочем, серьезно поставлен вопрос об издании Археологической карты (или атласа, чему я особенно сочувствую) Крыма. Вчера из письма С.А. Жебелёва я узнал, что собирается в Крым на отдых Греков, – интересно, соблаговолит ли он повидаться со мною, хоть вызовом на вокзал к поезду... В скором времени начнутся в разных местах Крыма археологические раскопки целым рядом “экспедиций”, многочисленных, но кратковременных, от которых ввиду этого много ожидать не приходится. Будут, если не начались уже, раскопки и в Ольвии. “Шумим” мы, но “только шумим”...» [Там же. Л. 38, 39].

Фрагменты официальной и личной переписки 1930-х гг. свидетельствуют о достаточно регулярных научных и личных контактах Б.Д. Грекова не только с лидером научного крымоведения Арсением Маркевичем, но и с отдельными деятелями, разрабатывавшими крымоведческие источники, например с Н.Д. Полонской-Василенко, работавшей в Киеве. Почерпнутые из эпистолярных сведения противоречивы и в большей части свидетельствуют об осторожном отношении Грекова, ставшего тогда уже известным историком, не столько ко всему, связанному с Крымом, сколько к отдельным научным деятелям, которые могли быть под пристальным контролем репрессивных органов. Вместе с тем в оценках коллег относительно Грекова, выявленных в письмах, значителен субъективизм. Ученый уже не мог уделять им, как ранее, того внимания, к которому они привыкли, из-за занятости или изменения приоритетного круга общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филимонов С.Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь : Н. Оріанда, 2010. 408 с.
2. Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. 408 с. (Сер. Биобиблиография крымоведения; Вып. 3).
3. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФАРАН). Ф. 133. Оп. 1. Д. 1251.
4. Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков / Ин-т российской истории РАН. М., 1999. 272 с.
5. Непомнящий А. А. Арсений Иванович Маркевич // Вопросы истории. 2018. № 11. С. 29–48.
6. Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины (ЦГАМЛИУ). Ф. 542. Оп. 1. Д. 193. Л. 6.
7. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы / отв. ред. Н. И. Толстой. М. : Наследие, 1994. 286 с.

Nepomnyashchy Andrey A. V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia). E-mail: dr.aan@mail.ru

«MANY ARE NOW HIDING...»: B.D. GREKOV AND CRIMEAN LOCAL HISTORY IN 1930s

Keywords: B.D. Grekov; Crimean local history; A.I. Markevich; N.D. Polonskaya-Vasilenko.

The unknown nuances of scientific and personal contacts of the major Soviet historian B.D. Grekov (1882–1953) around the plots, connected with the study of the Crimea, were disclosed. The documents of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences and the Central State Archives-Museum of Literature and Art of Ukraine (Kiev) were used as a source base. Based on data of the official correspondence of the Historical and Archaeographic Commission at the Academy of Sciences of the USSR and the personal correspondence of the leader of scientific Crimean local history Arseny Ivanovich Markevich, the scientific connections of the prominent Soviet historian Boris Grekov with Crimean scholars in the controversial period of Soviet history in the 1930s were analysed. The problem of Grekov’s personal contacts with the local historians, which became especially interesting to researchers, in connection with his long stay on the peninsula during the years of civil hard times, about which the scientist was silent, if possible, until the last days of his life was considered. An ambiguous attitude at this time of Grekov to colleagues with whom he

worked in previous periods of biography, such as A.I. Markevich and N.D. Polonskaya-Vasilenko was shown. The identification and study of substantial epistolary heritage of researchers of Crimea allowed to restore the project information on the publication of documents on the history of the Crimea of the medieval period and the New Times, which were not implemented for a number of subjective reasons, the main of which became mass repression of the figures of science and culture of the Crimea. In particular, the idea of the publication of two volumes of sources of local history as part of the multi-volume of the "Russian Historical Library" proposed by B.D. Grekov to the Crimean authorities, as well as the proposal of N.D. Polonskaya-Vasilenko, who worked in the All-Ukrainian Academy of Sciences, to publish the documents in Leningrad at the expense of the Institute of History and Archeography on the settlement of Novorossia and the Crimea in the late XVIII century were reviewed. The article colorful noteworthy personal assessments by B.D. Grekov's colleagues were reproduced. It demonstrated that Boris Dmitrievich, occupying high positions continued active personal and official communication with colleagues from the Crimea including about the Crimean subject, that refutes judgments about what existed with this scientist ban on this topic. In addition, Grekov's active contacts with Arseny Markevich were demonstrated. The information extracted from the epistolary is contradictory and in the greater part testifies to the cautious attitude of Grekov, who at that time became a well-known historian to everything connected with the Crimea and to individual scientists, which have been under the attention of security agencies were illustrated. Subjectivity in relation to B.D. Grekov, desire to see to his former attention and receive assistance in publications in the estimates of scientists were identified.

REFERENCES

1. Filimonov, S.B. (2010) *Iz proshlogo russkoy kul'tury v Krymu: poiski i nakhodki istorika-istochnikoveda* [From the past of Russian culture in the Crimea: search and discoveries of historian]. Simferopol: N. Orianda.
2. Nepomnyashchy, A.A. (2005) *Arseniy Markevich: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniya* [Arseny Markevich: pages of history of the Crimean local history]. Simferopol: Biznes-Inform.
3. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPFARAN). Fund 133. File 1251.
4. Gorskaya, N.A. (1999) *Boris Dmitrievich Grekov* [Boris Dmitrievich Grekov]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
5. Nepomnyashchy, A.A. (2018). Arseniy Ivanovich Markevich [Arseny Markevich]. *Voprosy istorii*. 11. pp. 29–48.
6. The Central State Archive-Museum of Literature and Art of Ukraine (TsGAMLIU). Fund 542. File 193.
7. Ashnin, F.D. & Alpatov, V.M. (1994) "Delo slavistov": 30-e gody ["The Case of Slavists": the 30s]. Moscow: Nasledie.